

Елена Королевская

Две капли голубой крови!

Или я ничего не должна тебе, мама

Елена Королевская

**Две капли голубой крови! Или
я ничего не должна тебе, мама**

«Издательские решения»

Королевская Е.

Две капли голубой крови! Или я ничего не должна тебе, мама /
Е. Королевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850532-4

История-исповедь в ситуациях. О непростых отношениях матери и дочери. Книга жесткая, она встряхнет, как продуктивный сеанс у психотерапевта. Читателю обеспечен тонкий баланс эмоций: от гнева до принятия, от негодования до искреннего желания понять. Надо ли учиться любить или это чувство безусловно для детей и родителей? Имеем ли мы право чего-то хотеть от близкого человека в режиме требования? Что правильнее — простить или вычеркнуть из жизни? Каждый сделает вывод сам.

ISBN 978-5-44-850532-4

© Королевская Е.
© Издательские решения

Содержание

ПИСЬМО НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ	6
ЗВОНОК	8
СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	10
АЛЕНКА НА ШОКОЛАДКЕ	12
Я – МАЛЕНЬКАЯ ВЗРОСЛАЯ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Две капли голубой крови! Или я ничего не должна тебе, мама

Елена Королевская

© Елена Королевская, 2019

ISBN 978-5-4485-0532-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПИСЬМО НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ

В час мы встретились перед маминым подъездом, как всегда расцеловались и пошли внутрь. Квартира находилась на седьмом этаже. Поднявшись на старом дребезжащем лифте, мы подошли к двери. Вдохнули, выдохнули, собрались с силами, и сестра позвонила. Ничего. Сестра позвонила еще несколько раз. На всякий случай мы еще подождали, но ответом нам стала полная тишина. Сестра достала ключи, и мы вошли.

– Мааам, ты дома? Мааам! – звали мы, оглядывая комнаты в некотором волнении.

В квартире никого. Мы вошли на шестиметровую кухню, на холодильнике я увидела книгу, сейчас не помню автора, но точно помню, что книга была о еврейском всемирном заговоре. В восприятии нашей мамы во всех бедах мира (войнах, революциях...) виноваты именно евреи и жидомасоны, как она их называет. Она всем и всегда рассказывала об этом с упоением, блестя глазами, приводя выдержки из книг, сомнения и выводы авторов, с фамилиями и датами. И если она начинала свой рассказ, то уже через несколько минут вокруг «обрабатываемого» появлялись стопки различных книг по этой тематике. В книгах лежали закладки, и все поля книг были исписаны мелким маминым почерком с заметками и ссылками. Для нашей мамы не существовало хуже и страшнее народа, чем евреи. Поэтому в самом факте нахождения книги подобной тематики у нее дома ничего удивительного мы не видели. Но то, что книга без дополнительной обертки лежит на кухне, где, не дай бог, ее возьмут жирными руками или положат на плохо вымытый стол, сразу привлекло мое внимание. Мама рассчитала верно.

– Странно, – я взяла книгу.

– Чего-странного-то? – переспросила сестра.

– Да мама так дорожит своими книгами, что никогда их не оставляет не на месте, – я вижу лежащий в книге конверт.

Он не запечатан. Письмо адресовано нам. На конверте цитата из Библии, видимо, через нее нам сообщалось что-то особенно важное, но мы так и не поняли, что именно, и под цитатой указано, что мама отбыла на пять дней в Египет. Наши лица вытянулись.

– Уехала в Египет? Молча?.. Вот идиотка! – взорвалась сестра. – А мы должны тут черт чего думать! Денег у нее, значит, нет, а на Египет есть! – продолжила она свою гневную тираду.

Дело в том, что мама с сорока с хвостиком работала непостоянно, вступая в конфликты на каждом рабочем месте, и мы с сестрой чем могли поддерживали ее.

Я поддакивала словам сестры и раскрывала конверт. Ничего особого не ожидая, кроме как очередной «лекции», что мы ее обидели так-то и так-то. Мы начали читать письмо. Но в письме говорилось совсем о другом. Мама написала его таким же, что и пометки в книге, мелким маминым почерком на двух тетрадных листах с обеих сторон. И в нем мы – ее дети назывались, самое скромное, еврейскими «УБЛЮДКАМИ», и приводилось что-то вроде генеалогического исследования рода нашего отца до прадедушек. В обоснование сделанных ею выводов приводились ссылки и цитаты из источников разной исторической и научной ценности. Письмо походило на выдержку из научного труда, который доказывал, что все наши с сестрой родственники по женской линии отца евреи, а раз это так, то мама делала вывод автоматически, ПОРОЧНЫМИ людьми. Каждому члену семьи отца приписывался свой особенный грех. В их компании встречались воры, извращенцы, наркоманы, алкоголики и прочая нечисть. Мы с сестрой отмечались особо, так как мы – полукровки (еврейки по отцу – по мнению мамы), и, следовательно, особо гадкие и убогие, с гнилой «голубой» кровью, которая в полной мере еще непременно себя покажет.

Мы стояли ошарашенные. За что столько ненависти к собственным детям? Мы – еврейки? Мысли путались в голове, мы перечитали письмо еще раз. Лучше не стало. Все пра-

вильно: мы – «еврейские ублюдки». Мы никак не могли понять, почему мы, ее дочери, две взрослые молодые женщины, сами матери, работающие, не наркоманки и не другие антисоциальные элементы, самостоятельно пробивающие себе дорогу в жизнь – трудом и терпением, чью помощь она принимает, не поморщившись (!), заслужили к себе подобное отношение? В первую минуту после шока пришла мысль о психушке.

Но, мы видели, что мама адекватно ведет себя во всех остальных вопросах, значит она нормальная!

И, честно говоря, письмо показалось настолько грязным, с такими извращенными подробностями якобы кровосмешений в семье отца, которые по выводам мамы и привели к «порче крови», что показалось стыдным его вообще кому бы то ни было показывать. Да мы и не знали, как и куда в столь необычной ситуации можно обратиться. Мы договорились подождать, пока мама вернется, и попробовать поговорить с ней об этом. Мы откровенно испугались за маму.

Страшно представить, сколько времени потрачено на эти изыскания! Это же не спонтанное письмо, в котором вас в сердцах обзывают бранными словами, это целый научный труд, обильно насыщенный ссылками и сносками, стрелочками: «книга такая-то», «страница такая-то». Маме для его написания, пришлось проследить семейные связи, подобрать авторитетные основания и выводы. Как такое возможно написать и ставить в вину своим собственным детям? Допустим мы и еврейки, возможно, что в том письме есть какая-то доля правды о недостатках наших родственников, но в чем виноваты мы? Потом, через годы, мама как-то скажет вскользь, что, когда писала это письмо, она просто хотела объяснить нам, почему мы так плохи, открыть глаза на причины нашей душевной болезни, вскрыть нарыв. То есть этим письмом она планировала нас спасти на краю пропасти, куда мы с сестрой должны непременно свалиться. Потом будут еще письма.

ЗВОНОК

Мне недавно исполнилось двадцать шесть. За окном солнечное осеннее утро. Воскресенье. Я дома одна. Дочка, как обычно на выходных, пошла к своему отцу, он забрал ее еще накануне совсем рано утром. Как же здорово, никуда не спеша, просто поваляться на диване, листая модный журнал. Я журналы не читаю, но картинки рассматривать люблю. Я мысленно с удовольствием примеряю наряды, и тут звонит телефон. Вставать невыносимо лень, но телефон настойчиво трезвонит и трезвонит.

– Кому я вдруг понадобилась с утра в выходной день? – я раздражаюсь, невольно смотрю на часы, – только пол десятого, а вдруг я еще сплю? Опять, небось, с каким-то соцопросом или рекламой, совсем обнаглели уже, и по выходным от них нет спасенья.

Телефон замолчал, кто-то не дождался.

– Ну и чудненько, – только и успела подумать, как телефон зазвонил снова. – Вряд ли это совпадение, когда два звонка подряд, да еще так долго держат трубку, видимо, все же кто-то из своих пытается дозвониться, зная, что я дома. Ну ладно, подойду, – я буквально соскребаю себя с дивана, за трубкой надо выйти в коридор. – И почему бы не класть ее рядом? – в очередной раз ругаюсь я на себя.

В коридоре меня встречает большое круглое зеркало в массивной раме. Под ним на тумбочке пищит специально установленной, противной и резкой мелодией телефон. Это сделано для того, чтобы его хотелось побыстрее выключить, а значит – подойти. Взглянув в отражение, я испугалась – плохо смытая с вечера субботы тушь растеклась, образовав темно-синий синяк под правым глазом.

– Красавица, – промелькнуло в голове, – вот сейчас бы поклонники на тебя полюбовались, ни бровей, ни ресниц, одно бледно-синее пятно. Надо оттереть, а то и самой страшно!

И чтобы оставить руки свободными, я зажимаю пиликающую трубку между левыми плечом и ухом.

– Але! Да! – невнятно бубню я.

– Привет, – бодро отвечает мне Ирина, моя младшая сестра.

– Привет, привет, как дела? – обрадовалась я, что хоть свои, значит, не зря вставала.

– Да все нормально. Слушай, а ты с матерью вчера не разговаривала? А то я что-то второй день не могу до нее дозвониться? – немного взволнованно, спрашивает она.

– Ну началось! – скисаю я тут же.

Как обычно, в последнее время от вопросов про мать у меня сразу портится настроение.

– Ира, ну ты же все знаешь! Ну чего спрашивать-то? – отвечаю я недовольно, уже понимая, что единственный выходной день, скорее всего, будет испорчен.

Мы только в пятницу вечером коротко созванивались, как раз по маминому поводу, я делилась неприятными результатами звонка. От воспоминаний на душе опять стало тяжело.

– Не-е, ну мало ли? – протягивает она.

– Ну чего «мало ли»? – переспрашиваю я более мягко. – С пятницы ничего не изменилось, – а в голове снова прокручивается пятничная ситуация.

В пятницу, по дороге со школы домой, моя дочь с провожающей ее до дома няней встретилась с нашей мамой на улице. Катя шагнула к бабушке навстречу и поздоровалась, а наша бабушка с гордо поднятой головой бравым шагом, глядя вперед, пронеслась, не притормозив, мимо внучки как мимо пустого места. Представить не могу, что моя дочь почувствовала, и как смутилась перед идущими рядом одноклассниками. Живут все рядом и знают ее бабушку. Посыпались неприятные вопросы. А что Катя может им объяснить?! Что бабушка перестала узнавать собственную восьмилетнюю внучку, обидевшись на дочь?

Татьяна – няня моей дочери, взрослая, казалось бы, девушка, бывшая одноклассница моей сестры, просто оторопела от маминого поступка. Она и так боится нашу маму «как огня». И если она приходит ко мне домой, то Таня, боясь скандалов, категорически отказывается находиться с ней в одной квартире, и просит меня подгадывать время так, чтобы они не пересекались. А тут такой фортель! Я предчувствовала, что скоро могу остаться без няни, что, к сожалению, и произошло. Кому понравится терпеть обзывания и стрессы?! А я, несмотря на подавленность этой ситуацией, считала, что в пятницу еще довольно хорошо все закончилось хотя бы потому, что мама не устроила прилюдно скандал на тему, что «няня нам дороже родной бабки», как она это умеет.

Катя опять пришла домой расстроенная. Объяснить и внушить ребенку, что не нужно принимать бабушкины поступки и слова на свой счет, что она не виновата, что это взрослые «с ума посходили», к сожалению, у меня не получалось, хотя я и пыталась.

– С пятницы, думаю, ничего не изменилось, мама жива-здоровая и ходит гулять. А вчера был твой день, я ей не звонила, я работала, так что у меня без новостей, – я окончательно расстроилась.

– Слушай, сходим к ней вместе? Посмотрим, что там у нее дома творится? – с ноткой давления спросила сестра.

– Да что там может быть?! Дозвонимся попозже. И так один выходной, – сделала я попытку отвертеться.

– Ну Лена, мы же договаривались! – продавливает сестра.

Договаривались-то, договаривались, только как подумаю об очередном скандале, у меня прямо живот сводит, так не хочется идти, но раз договаривались, то куда денешься.

– Во сколько? – сдаюсь я, понимая, что не могу отказать.

– Давай в час у подъезда? – сестра ожила, почувствовав опору.

– Давай. Ну все, тогда в час? – безысходно спросила я, одновременно прощаясь.

– Все, – попрощалась сестра.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С мамой мы жили рядом, на соседних улицах. Но на тот момент общались с трудом и я, и сестра. А так как дочерей у мамы две, то по договоренности звонила ей та дочь, которая на тот момент находилась в меньшей опале. Ссоры между мамой и нами происходили раз в неделю, это точно. На мамины выпады в наш адрес мы обычно старались или промолчать, или, звоня на следующий день, сделать вид, что просто ничего вчера не произошло. Иногда этот фокус нам удавался, мама принимала игру и разговаривала, и шутила, как ни в чем не бывало. Но причина для того, чтобы новая ссора началась или же старая вспыхнула с новой силой могла быть любая. И ее, эту причину, как ни старайся, просто невозможно предугадать. Мы с сестрой одно время созванивались перед тем, как набрать маме, и обсуждали, на что она обиделась в прошлый раз и как бы так ее спросить в этот, чтобы история не повторилась снова. Но нам почти никогда не удавались прогнозы. Началом скандала мог послужить не тот тон, в котором, как считала мама, я с ней поздоровалась, или не тот набор фраз, которыми я произнесла приветствие, не такой взгляд при встрече и... миллион других причин. Но итог ссоры всегда сводился к обвинениям в недостаточном проявлении с моей стороны почитания и обожания к ней, как к матери.

Мы старались звонить раз или два в день, чтобы поздороваться и спросить о ее самочувствии... и получали в ответ что-то из серии: «Сдохну, узнаете».

Позвонив маме где-то в одиннадцать часов утра, на вопрос «Мам, привет, как дела?» в трубке раздавалось:

– Да какие у меня дела, дела у вас, это ж вы заняты, а я-то чего? Гляди, вспомнила она про мать... дела... ты бы о здоровье сначала спросила... да ела я сегодня или нет? Уже одиннадцать!

И, распаляясь за пару минут, мама начинала сама себя оскорблять, говоря: «Да, мать же у вас идиотка, хуже матери в мире не найти, я – сволочь, а вы у меня святые...» и так далее, и тому подобное.

В первые годы мы терялись и делали попытки оправдаться:

– Мам, да я такого никогда не говорила, – старались донести до нее и я, и сестра.

Но она орала и не слушала нас.

– Не говорила, так подумала! Судят не по словам, а по делам, – обрезала наши попытки объясниться мама. – Не смей мной командовать! – кричала мама. – Мной никто никогда не командовал, даже мать, которой у меня не было, а ты рот разеваешь! Знай край, да не падай! Не всегда говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь! Яйца курицу не учат! Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, – сыпала она выражениями.

После этого мне или сестре задавался прямой вопрос:

– Кто здесь мать, я или ты?

Получив ответ, что, конечно же – она, мама резюмировала:

– Вот и закрой свой рот! (Или просто «заткнись»).

Мама – человек начитанный, любит вставлять в разговор цитаты, устоявшиеся выражения и в карман за словом не лезет. Во то время, когда происходят описываемые события, мы все уже с полгода жили раздельно, мама словно не могла с этим смириться, а нам это позволяло более-менее дозировать общение. В иной раз казалось, что чем спокойнее ты стараешься реагировать, тем больше это раздражает и выводит из себя нашу маму. В такие дни нас обвиняли в полном равнодушии, эмоциональной холодности и бедности, незрелости чувств и прочее. Порой, устав от бесконечного выяснения отношений, мы поступали по-другому, мы звонили ей, но молчали. Главным для нас являлось понимание того, что раз мама сняла трубку и бодро говорит «алло», то, значит, с ней все нормально. Все друзья-знакомые, знавшие нашу непро-

стую ситуацию в семье, тоже рассказывали нам, где и при каких обстоятельствах они ее видели. И так как гулять мама ходила строго два раза в день, то информации у нас хватало.

В последний раз причиной к началу серьезного конфликта послужил мой «не имеющий названия» поступок, а именно то, что я наняла дочери репетитора по английскому языку. Мама на это страшно обиделась. Она считала, что ее знаний английского вполне достаточно для занятий с внучкой, а у меня на этот счет имелось другое мнение. Ее знания самоучки и акцент, с которым она читала тексты, не имея опыта разговорной речи, не казались мне достаточными для преподавательской деятельности. Возмущенная наймом учительницы мама требовала от моей дочери сказать «этой крохоборке», одно из названий мамой репетитора, чтобы та не приходила, если «внучка, конечно, любит бабушку». Внучка, не осмеливаясь бабушке возражать, со слезами жаловалась мне, я разговаривала об этом с мамой, мы ссорились, и ситуация заходила в тупик.

– Твоя мать – упертая овца, – объявляла она моей дочке, – а ты идешь у нее на поводу. Ты-то хоть будь умней! – взывала она к ее детской совести.

Сейчас я бы сформулировала принцип маминой любви так: «Мама любит меня только тогда, когда я ей полностью подчиняюсь и безоговорочно соглашаюсь с ее мнением».

При этом никто и никак не ограничивал бабушку во встречах и занятиях с внучкой. Я ключи от своей квартиры у мамы не забирала и запретов не устанавливала. Конечно, я просила маму не обзывать меня при ребенке и делала неоднократные попытки объяснить ей свою позицию. В итоге выяснения отношений мама устроила грандиозную истерику и сказала, что у нее нет дочери, то есть меня. Находясь со мной в ссоре, она не считала нужным не то, что приходить к внучке, а даже позвонить ей, а в этот раз и узнавать отказалась.

Вот из-за этой ссоры теперь только сестра могла периодически заходить к маме домой, а мне Ира «докладывала обстановку». Сестра от нас обеих приносила маме то продукты, то оставляла немного денег, ту посильную помощь, которую мы могли ей тогда оказать. И хотя на тот момент нашей маме еще не исполнилось и пятидесяти лет, и она не страдала никакими хроническими заболеваниями, мы уже не первый год как ей помогали. Я же в то время растила дочь одна и без алиментов, у сестры тоже был маленький ребенок, и у нас обеих имелось по «букету» хронических болезней. Мама принимала от нас все как должное, слов благодарности мы не слышали, да и не ждали, честно говоря. Мы чувствовали счастье, если день проходил без скандала и обвинений в наш адрес.

В тот чудесный день сестра, не дозвонившись до мамы, откровенно боялась идти к ней одна, так как не хотела скандала, и позвонила мне. Но у меня ключей от маминой квартиры не было, а заходить одна я, вроде, как не имею права. И, поддерживая друг друга, мы и сговорились прийти вместе, так сказать, разделить бремя.

Сейчас мы снова в ссоре, и так как мама выбрала письменную тактику общения, я и пишу в ответ на ее претензии ко мне свою книгу.

Еще я пишу ее в надежде, что такие же несчастные дочери, как и я, прочтут ее, и им будет хоть немного легче, узнав, что они такие в этом мире не одни и что у них есть полное право чувствовать то, что они чувствуют. И, главное, сделают все, чтобы не перенести подобную модель поведения на собственных детей, ведь взгляды на мир, на людей, ценности, понятия закладываются в нас в детстве и потом во многом неосознанно переносятся нами и на наши семьи, создавая так называемые «родовые проклятия». Я надеюсь, вы увидите, как разнится восприятие ситуации через призму личностных проблем каждого человека. Как каждый усматривает что-то свое в словах и действиях другого и трактует их по-своему, а другой человек, возможно, совсем не то имел в виду. И все это, мягко говоря, недопонимание происходит между самыми, казалось бы, близкими людьми. Что тогда ожидать от посторонних?

АЛЕНКА НА ШОКОЛАДКЕ

Семидесятые годы прошлого века, моей маме скоро исполниться двадцать три. Дом, в котором живет мама, новый, только построенный, на новой окраине города. Вокруг еще не асфальтированные пыльные дороги. Сам дом длинный, из тринадцати подъездов и без арки, так что, если нужно попасть на другую сторону двора, дом надо обойти целиком, за это его прозвали «Китайская стена». Лето стояло очень жаркое, вокруг горели торфяники, все окутано дымом. А тут еще эта пыль от дорог и строек. И я неудачно родилась в конце июля, в самую жару, раньше срока где-то на месяц. Моей маме пришлось очень тяжело во время беременности, она много раз рассказывала мне об этом. Но я родилась, и, следовательно, нужно дать мне имя.

У каждого в семье есть воспоминания, про которые никто со стопроцентной достоверностью не может сказать, было ли это именно так или только близко к тексту, а, может, и вовсе не было. Вот и в нашей семье существует несколько таких.

Самым ранним воспоминанием, которое звучало так часто, что практически закрепилося в моем мозгу, как его собственное, стало воспоминание о выборе для меня имени.

Родилась я с розовой кожей, красавицей с пшеничными волосиками, длинными ресничками и огромными васильковыми глазами. Вокруг мамы в общей палате роддома лежали женщины исключительно с новорожденными мальчиками. По выходе из роддома меня планировалось записать Олей, но произошло первое из легендарных событий в нашей семье, связанное со мной.

Как это водится, в роддоме роженицы показывали друг другу деток и шутили на тему «у вас жених, у нас невеста». И вот я – невеста, и я одна на палату. Так в палате, а постепенно и на этаже, по маминым словам, установилось шуточное соперничество, чьей невестой я буду, когда вырасту. Шла борьба между качеством приданого и обещаний будущей сладкой жизни. Заходили полюбопытствовать и из соседних палат. Там у женщин родились девочки, но они не могли и сравниться со мной в красоте. И, конечно, не все мамочки относились с искренней радостью к моему превосходству, например, одна из женщин, с обычной невзрачной девочкой, опять же, как рассказывала моя мама, прямо говорила всем о том, что ничего хорошего в красоте нет, «натерпится еще девочка бед из-за нее». Для меня именно эта семейная легенда всегда звучала, как что-то похожее на раздачу подарков и проклятий феями новорожденной принцессе – мне, словно в сказке «О спящей красавице». И вот другая женщина – «добрая фея», мамина соседка по палате, восхищаясь моей красотой сказала:

– Надо же, такая хорошенькая девочка, прямо как Аленька на шоколадке!

Помните знаменитую в советское время шоколадку «Аленька» московской фабрики «Красный Октябрь» с милой девчушкой на картинке? Благодаря этому сходству я и стала называться Аленькой с шоколадки, что сулило мне, в глазах маминых соседок, счастливую и сладкую жизнь.

Но в жизни меня называли Лена, а не Алена. Просто потому, что это стало первой ошибкой моей мамы в выборе, который она делала за меня... и для меня. Она не настояла, и в ЗАГСе меня записали Еленой, считая, что Алена и Елена это одно и то же имя. И началась моя жизнь с третьим по счету от рождения именем – Елена. Сказочное число, не правда ли?

Жить мне предстояло в трехкомнатной малогабаритной квартире, в которой, помимо меня, уже жили: мама, папа, папина сестра, бабушка и дедушка, их собака, а потом к нам присоединилась и моя младшая сестра. В этой квартире постоянно кто-то ссорился, вернее, мама с кем-то, а именно: мама с бабушкой, мама с тетей, мама с папой и бабушкой... И очень быстро моя семья сузилась до мамы и сестры. И удивительным образом в этой трехкомнатной квартире родителей моего отца остались жить только мы втроем.

Как это точно произошло, я не знаю. Лишь в одном я уверена с самого моего рождения – это в том, что мою маму постоянно обижали, и ей приходилось очень тяжело одной растить нас с сестрой, а особенно тяжело досталась ей я.

По рассказам мамы, я родилась крайне беспокойным ребенком и кричала, не переставая, круглыми сутками. В первые месяцы мама практически не спала из-за моего плача. По выражению мамы, я выжала ее как лимон.

Я помню себя маленькой, помню некоторые ситуации и ощущения, но не помню детства. Не помню я этой, описываемой в книгах, беззаботности и легкости бытия, безоблачного счастья и ожидания светлого будущего, являющихся, как казалось бы, его обязательными атрибутами.

Я – МАЛЕНЬКАЯ ВЗРОСЛАЯ

Внешне я ребенок, как ребенок, вполне обычный, только сама себя я всегда считала взрослой, о чем прямо заявляла всем окружающим, мне кажется, сразу как научилась говорить. Мне казались непонятными и вызывали удивление сюсюканья. Знаете, эти умильные лица взрослых и их желание ущипнуть или шлепнуть ребенка со словами: «Ух ты какая хорошенькая, красотка, малышка...» и так далее. Все эти действия и слова по отношению к себе я считала неуместными.

И на все попытки такого со мной обращения я с серьезным лицом просила меня не трогать.

– Я не маленькая! – утверждала я. – Я – взрослая!

Это была моя так называемая коронная фраза, которая всех вокруг доводила до смеха. Но я не смеялась, и от этого взрослым людям становилось еще смешней. А я смотрела на смеющихся надо мной и недоуменно, с расстановкой, медленно повторяла:

– Я взро-сла-я!

Я вообще любила все обстоятельно разъяснить и пояснить, и ко всему, и всегда относилась серьезно.

Например, в садике, в который я пошла, когда мне не исполнилось и двух лет, а сестру мама отдала в ясли в десять месяцев, меня прозвали «Прокурор без аттестата» за умение четко и грамотно объяснить воспитательнице, что произошло в группе за период ее отсутствия. Мама поддерживала, как мне кажется, во мне эту взрослость тем, что она с раннего детства зачем-то сделала меня компаньоном и поверенной ее взрослых тайн и мыслей.

Как я себя помню, в целом, ребенок я положительный, что подтверждает и моя мама. Она сама мне неоднократно говорила, что мне можно было поручить все и быть уверенной, что я это сделаю, и сделаю хорошо. Со мной не требовалось заниматься, так как я сама училась и тянулась к знаниям.

Но за внешней обычностью, скрывалась одна особенность, которая меня выделяла из среды «среднестатистических детей» – я родилась ранимой фантазеркой. Излишне впечатлительной, как говорила моя мама; или другая мамина характеристика, объявляемая мне обычно в моменты опалы – «эмоционально распушенной».

Например, я не могла смотреть фильмы про войну, а они в то время во множестве показывались по телевидению, и попасть на такой фильм труда не составляло, достаточно включить телевизор. Я плакала. Особенно это раздражало маму, когда она садилась смотреть вечерние фильмы. Фильмы показывали каждый день после вечерних новостей в полдесятого, а мы с сестрой частенько пробирались из нашей комнаты в коридор и через приоткрытую дверь старались незаметно эти фильмы подглядывать. И вдруг я начинала рыдать, портя впечатления и отрывая маму от просмотра фильма. Мама ругалась.

В общем, я всех жалела и страдала от любой несправедливости, насилия и крика по отношению к себе и окружающим. Я не была тихоней или неженкой. Я росла активным и озорным ребенком, таким Робин Гудом в юбке, защитницей «обиженных и оскорбленных». Я любила активные или геройские игры, такие как казаки-разбойники, прятки, вышибалы, три мушкетера... И в этих играх я всегда предводительствовала. Я проживала эти игры, я спасала, руководила отрядами победителей, верховодя исключительно мальчишками. Домой я приходила грязная, даже в самый сухой день. Бабушки у подъезда всплескивали руками и сокрушались:

– Господи, где-грязь-то нашла? Ну как мальчишка!

– А я и хочу быть мальчишкой! – огрызнулась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.